

УДК 769.2
ББК 85.157.5
DOI 10.25281/2072-3156-2021-18-4-424-435

Д.В. ФОМИН

ОБРАЗ ПЕТРУШКИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДЕТСКИХ КНИГАХ 1920-Х — НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ

Дмитрий Владимирович Фомин,
Российская государственная библиотека,
Центр по исследованию проблем развития библиотек
в информационном обществе,
ведущий научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия
кандидат исторических наук
ORCID 0000-0002-9931-6288
E-mail: dfomin13@yandex.ru

Реферат. Образ главного героя традиционного русского театра кукол — Петрушки — сыграл существенную роль в истории отечественной культуры, воплотил в себе некоторые типические черты национального характера. Его изображения достаточно широко и разнообразно представлены на страницах детских книг. В начале XX в. и в первые послереволюционные годы издания о похождениях Петрушки выполняли важную миссию: фиксировали характерные образцы народного творчества, сохраняли память о балаганных представлениях, поддерживали их традиции, служили пособиями для начинающих кукольников.

В 1920-х — начале 1930-х гг. Петрушка продолжал оставаться одним из самых популярных персонажей детской литературы, привлекая внимание ли-

тераторов и графиков. Это свидетельствует об их стремлении найти опору и поддержку в простонародной смеховой культуре, продолжить ее традиции, привнести в книгу элементы театральной эстетики.

Цель исследования — с помощью комплекса книговедческих, искусствоведческих, источниковедческих методов рассмотреть трансформации образа Петрушки в детских книгах 1920-х — начала 1930-х годов. В статье отмечены существенные разночтения между литературной составляющей подобных изданий и их зрительным рядом. Писатели, как правило, стремились «перевоспитать» площадного балагура и драчуна, облагородить его манеры, осовременить облик, привлечь народного любимца к решению актуальных идеологических и педагогических задач. Художники более бережно относились к каноническому, исторически сложившемуся образу Петрушки, сопротивлялись его слишком радикальному переосмыслению. Особый интерес в этом отношении представляют иллюстративные циклы И.С. Ефимова, А.И. Соколова-Аси, А.А. Радакова, В.М. Конашевича, Л.В. Поповой, Ф.Ф. Кондратова.

Лучшим писателям и художникам тех лет удалось, сохранив самые существенные черты героя, вдохнуть в него новую жизнь, спасти от забвения, от полной потери идентичности и передать новым поколениям создателей и читателей детской книги.

Ключевые слова: Петрушка, кукольный театр, фольклор, детская книга, иллюстрация, книжная графика, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, книговедение.

Для цитирования: Фомин Д.В. Образ Петрушки в отечественных детских книгах 1920-х – начала 1930-х годов // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 4. С. 424–435. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-4-424-435.

Образ Петрушки — главного героя традиционного русского театра кукол, несмотря на его кажущуюся простоту, даже примитивность, сыграл исключительно важную роль в истории отечественной культуры, пользовался неизменной популярностью у самой широкой аудитории, привлекал внимание писателей, художников, композиторов, режиссеров. Всеобщая любовь к этому персонажу давала теоретикам поводы для многочисленных споров. Герой балаганных представлений имел древнюю родословную, но не мог похвастаться ни внешней красотой, ни изысканными манерами, ни проницательным умом, ни примерным поведением. Начиная с середины XIX в. он изображался в виде горбатого человечка в красном колпаке, с большим крючковатым носом, его рот был растянут до ушей в улыбке. Крикливый балагур потешал зрителей грубоватыми остротами и, вооружившись дубиной, легко расправлялся со своими недругами: вороватым цыганом, доктором-шарлатаном, городовым, а иногда вступал в поединок с самой смертью. Сюжеты подобных спектаклей варьировались, но не отличались особым разнообразием.

Традиции бесхитростных кукольных фарсов бережно передавались из поколения в поколение, причем «...главными защитниками этого искусства... являлись дети и народные массы» [1]. Площадная комедия иногда оказывала сильное воздействие даже на рафинированных интеллектуалов, детей из высококультурных семей. Так, художник и критик А.Н. Бенуа вспоминает, что его знакомство с театром началось с кукольных представлений, в которых уродливый паяц донимает шарманщика дерзкими вопросами, герои «звонко... колошматят друг друга по деревянным башкам», а в финале страшный черт «бодает Петрушку и безжалостно треплет его... а затем тащит... в преисподнюю» [2, с. 284–285]. Ребенок не понимал смысла многих реприз, но «трепетал... от всех действий и от визга Петрушки» [2, с. 285].

Поэт и журналист П.И. Сторицын, несколько идеализируя взбалмошную куклу, видел главную причину ее популярности в беспокойном, непокорном характере: «Он всех выводит на чистую воду, он



Рис. 1. Обложка книги
«Петрушка: любимый народный кукольный герой».
Москва, 1910. Художник П.Е. Литвиненко [5]

откликается на всякую злобу дня... он весел и бодр... Конечно, случается, что он плурует и даже ворует, но это тогда лишь, когда иначе... нельзя поправить несправедливости судьбы» [1]. М. Горький подчеркивал, что Петрушка неизменно «побеждает всех и все: полицию, попов, даже черта и смерть, сам же остается бессмертен. В грубом и наивном образе этом трудовой народ воплотил сам себя и свою веру в то, что в конце концов именно он преодолеет все и всех» [3, с. 494]. Нельзя забывать и о чрезвычайно эффектной, доходчивой художественной форме таких спектаклей, об их «динамичности, веселости и гротесковой, буффонной яркости персонажей...» [4, с. 35].

Столь важный для понимания русского национального характера образ довольно полно и разнообразно воплотился не только в театральной, но и в книжной культуре. Так, в начале XX в., да и в первые послереволюционные годы И.Д. Сытин и другие издатели выпустили целый ряд книг о похождениях Петрушки. В некоторых из них печатался текст, «списанный со слов уличного паяца», в других случаях авторы излагали известные сюжеты по-своему, слегка облагораживая или осовременивая их и адаптируя к детскому восприятию. «Раскрашенные картины» (рис. 1)[5] (фамилии иллюстраторов указывались в выходных данных крайне редко) выдержаны, как правило, в обстоятельной реалистической манере и в то же



Рис. 2. Обложка и страница из книги Н.Я. Ефимовой, И.С. Ефимова «Петрушка». Москва, 1924. Художник И.С. Ефимов [8]

время явно ориентированы на лубочную эстетику. Не все издания такого рода отличались высоким художественным уровнем, но они выполняли важную и благородную миссию: фиксировали характерные образцы народного творчества, надолго сохраняли память об эфемерных по своей природе театральных представлениях, поддерживали угасающую традицию искусства «петрушечников», которых в те годы уже редко можно было встретить на улицах. Книги эти, пользовавшиеся большим спросом у детей, служили и своего рода пособиями для начинающих кукольников [5].

Грандиозные революционные преобразования должны были предать забвению фигуру ярмарочного балагура. Однако без нее не могли обойтись литераторы и художники, стоявшие у истоков советской детской книги. В 1920-х — начале 1930-х гг. Петрушка продолжал оставаться одним из самых популярных персонажей изданий, адресованных маленьким читателям. Правда, подчас его образ переосмысливался настолько радикально, что терял почти все свои изначальные свойства, представал перед изумленной публикой в совершенно непривычном обличье и в новых амплуа. В родной для этого героя театральной среде такие эксперименты проводились еще более решительно и бесцеремонно. «Красный Петрушка это... Петрушка-рабкор, Петрушка-комсомолец... советский дипломат, демобилизованный красноармеец... ярый борец за все новое и светлое в нашем быту» [6, с. 30], — утверждал в 1925 г. автор книги «Массовые празднества»

Е.Н. Рюмин. В прессе постоянно звучали призывы активнее использовать проверенного временем героя для решения актуальных пропагандистских задач. По мнению журналистов, самодеятельные агитационные «театры Петрушки» при рабочих клубах и избах-читальнях заслуживали «самого... вездесущего распространения, целого вороха пьес... чтобы ни одно событие не оставалось без меткого слова Петрушки» [1].

На страницах детских книг 1920-х гг. обновленный, усовершенствованный любимец публики не пересказывал газетных передовиц и не обсуждал с читателями «самые острые, боевые темы текущего момента», и все же порой непросто было узнать в нем прежнего драчуна и шутника. Но начнем обзор с работ двух мастеров, которые бережно относились к исторической традиции народных зрелищ, очень много сделали для ее сохранения и возрождения. Художники Н.Я. Симонович-Ефимова и И.С. Ефимов были подлинными энтузиастами кукольного театра: создали собственную труппу из деревянных и тряпичных актеров с богатым, оригинальным репертуаром, привлекли к этой затее многих друзей и коллег. «Влюбленные в свой театр, они хотели объять его спектаклями как можно больше людей и пространств. <...> Талант, мастерство и беспредельная любовь, которую вкладывали художники в новые творения, почти что оживляли их кукол» [7, с. 34], — вспоминала режиссер Н.И. Сац.

Одним из способов многократного расширения аудитории, ее эстетического воспитания и приоб-

щения к великому таинству театрального искусства был для Ефимовых выпуск детских книг. С точки зрения графического оформления особенно интересна и удачна малоформатная «раскладушка» 1924 г. «Петрушка», увидевшая свет в частном издательстве Л.Д. Френкеля [8]. Демонстрируя несколько сцен из жизни главного героя, этого, по выражению Н.Я. Симонович-Ефимовой, «гениального неудачника в таинственной семье кукол» [7, с. 48], авторы органично соединяют традиционные мотивы балаганных представлений с новыми сюжетами, вводят в действие забавного арапчонка, лисицу, медведя-лекаря. Текст сводится к минимуму, представляет собой короткие подписи под рисунками, реплики персонажей.

Судя по экспрессивной стилистике иллюстраций, автором большинства из них был И.С. Ефимов; почти в каждой композиции ощущается его взрывной темперамент, манера рисовать «одним неотрывающимся движением руки, без всякого колебания и изменения» [9, с. 149]. Зрителю невольно передается «ощущение удовлетворения... и восторга, когда... рука ведет плавную и уверенную линию» [9, с. 147]. Петрушка, изображенный на обложке, раздвигает занавес (обозначенный несколькими энергичными росчерками литографского карандаша), перешагивает через ширму и идет навстречу читателю. Несмотря на очень условную, лаконичную трактовку образа, в нем есть и острая характерность, и стремительная динамика, и даже своеобразное изящество. Чувствуется, что в нескладном теле длинноносой куклы живет душа доверчивого, впечатлительного ребенка (рис. 2).

В слегка переработанном виде почти все композиции небольшого цикла были использованы в качестве концовок в известной книге Н.Я. Симонович-Ефимовой «Записки петрушечника» (1925) [10]. Хотя издание это, строго говоря, не является детским, стоит упомянуть о нем в контексте нашей темы хотя бы потому, что именно дети лучше всех смогли бы оценить некоторые остроумные оформительские приемы. Художница прекрасно понимает, что невозможно «закрепить на бумаге... то, что соткалось в жизни из искрящихся глаз, вырывающихся из души восклицаний, вздохов, улыбок, смеха...» [7, с. 41]. Книга достаточно сложна по структуре: она содержит исторический экскурс и личные воспоминания, деловой творческий отчет и подробные методические рекомендации начинающим «петрушечникам» (этим во многом оправдывается стилистическая неоднородность оформления). Зарисовки сценок из спектаклей и эпизодов закулисной жизни театра, шутливые шаржированные изображения неунывающего, нестареющего Петрушки и других персонажей чередуются с воспроизведением афиш, вывесок и даже «автографов» кукол. Автор уверен, что язык каллиграфии гораздо точнее и нагляднее, чем



Рис. 3. Обложка книги Н.Я. Симонович-Ефимовой «Записки петрушечника». Москва, 1925. Художник В.А. Фаворский [10]

любые портреты, передает характеры героев, весь смысл существования которых заключался в движении, игре, шутовстве. Очень выразительна обложка работы В.А. Фаворского, где Петрушка с большой головой и маленькими ручками широким жестом зазывает читателей то ли на свой спектакль, то ли внутрь книги. Основная композиция дополняется мелкими графическими ремарками, типажам зрителей: любопытного младенца, задумчивой девушки, скусающего прохожего (рис. 3).

Еще одна книга Н.Я. Симонович-Ефимовой «Петрушка» (оформленная ею самостоятельно) с изображением задорного весельчака на обложке вышла в 1928 г. в серии «Библиотечка журнала «Дружные ребята»» [11]. Это не беллетристическое произведение, а что-то вроде адаптированного, детского варианта «Записок петрушечника» с советами по технологии изготовления кукол, по организации самодеятельного театра. Рисунков здесь немного, но они заметно оживляют, конкретизируют текст.

Книга «Петрушка» с яркими цветными рисунками А.И. Соколова-Аси (авторство рифмованных подписей не указано, возможно, их сочинил сам художник), увидевшая свет в 1927 г. в издательстве Г.Ф. Мириманова, воспроизводит некоторые типические сюжеты кукольных представлений в смягченном, облагороженном виде. В отличие от своего балаганного прототипа книжный Петрушка ведет себя порой неосмотрительно, но совсем не агрессивно. Хотя на обложке он держит в руках увесистую дубину, ни на одном из последующих рисунков это

грозное орудие больше не фигурирует (возможно, в первоначальный замысел графика вмешалась цензура или самоцензура). Горбоносый шут в красном колпаке и просторной рубахе, расписанной белыми и красными ромбами, встречает читателей с распростертыми объятиями, его первое появление комментируется незатейливыми стихами:

Вот веселая игрушка, —
Петр Иванович Петрушка
Даст сейчас представление,
Всем деткам на удивление [12, с. 2].

Однако удивляться особенно нечему: столь любимые публикой кульминационные сцены потасовок главного героя с его недругами отсутствуют в книге, что во многом лишает ее остроты, драматического напряжения. Разбитной Петр Иванович позволяет себе лишь один предосудительный поступок, за который немедленно получает заслуженное воздаяние:

Стал Петрушка баловаться,
В собак камнями кидаться.
Вдруг лохматый белый пес
Хватъ разбойника за нос! [12, с. 5].

В остальном действие развивается почти бесконфликтно: «веселая игрушка» ни с кем не ссорится и не дерется, не обманывает и не избивает цыгана, а всего лишь на время берет у него лошадь, чтобы испытать ее в деле, но не может удержаться в седле. А потом бравый комедиант безропотно принимает прописанные доктором лекарства, оплакивает свои злоключения и выслушивает утешения дородной Матрешки в синем сарафане. Не слишком заметная на первый взгляд корректировка фабулы полностью меняет характер героя: азартный задира и неунывающий плут превращается в неуклюжего простофилю, беспомощного нытика.

Принадлежность данной книги к культуре 1920-х гг. легко узнается по графическому языку — не столь новаторскому, как у И.С. Ефимова, сохраняющему связь с лубочной традицией, и все же гораздо более емкому, лаконичному, условному, чем, например, в упоминавшихся сытинских изданиях. Безусловно, работа художника выполнена высокопрофессионально, строго выдержана в едином стилистическом ключе (минимум деталей, предельно простое построение композиций, чистая и звучная колористическая гамма, экономное использование орнаментальных элементов, плоскостной характер рисунка). Иллюстратор ни на минуту не забывает о том, что он изображает не живых людей, а кукол, что действие разворачивается в театре: персонажи появляются из-за края ширмы, фоном для их фигур всегда служит желтый занавес с тряпичными цветами и звездами. Но графический цикл смотрится чересчур монотонно, страницы слишком похожи

одна на другую, а сопереживать деревянным героям мешает заученная механистичность их действий. Петрушке с его глуповатой улыбкой, наигранной веселостью явно недостает обаяния, чтобы покориť сердца зрителей.

Гораздо дальше от фольклорного первоисточника уходят поэт М.А. Фроман и художник Е.Я. Хигер в одноименной книжке-картинке, выпущенной в 1927 г. знаменитым частным издательством «Радуга». Трудно понять, почему это сочинение названо «Петрушка», ведь заглавный герой лишь мельком появляется в нескольких сценах. В сущности, книга представляет собой вольную фантазию на тему кукольного театра, парад-алле забавных игрушек, которые изготовил настоящий умелец:

Великолепный мастер
Иван Иваныч Кнастер! [13, с. 1].

На их фоне Петрушка выглядит не слишком выигрышно (видимо, мастер работал над ним недостаточно тщательно): лицо чем-то перепачкано, один глаз не открывается, одна рука намного длиннее другой. К тому же он беседует с персонажем довольно неприятным — корабельной крысой.

Стихи М.А. Фромана напоминают бойкие выкрики ярмарочных зазывал. Литографии Е.Я. Хигера выразительны, фактурны, немногословны, их отличает благородная сдержанность цветовой гаммы. Книга завершается тем, с чего она могла бы начинаться: труппа во главе с шарманщиком готова к выступлению, а Петрушка, как ему и положено, зазывает публику, усевшись на край пестрой ширмы. Обложка напоминает кусок яркой набивной ткани; мы видим на ней все тех же кукол, но уже стилизованных, ставших частью орнамента, вписанных в одинаковые ярко-красные ромбики.

В пьесе «Ванин детский сад» (1928), написанной литератором и режиссером С.Г. Розановым, остроумно проиллюстрированной архитектором и графиком Г.П. Гольцем, Петрушка также появляется лишь эпизодически [14]. В начале книги он выводит на сцену, вернее, в воспитательных целях вытаскивает за ухо главного героя — маленького фантазера Ваню, предоставляет ему полную свободу действий и удаляется, а в финале выходит попрощаться со зрителями. Тем не менее именно этот персонаж символизирует праздничную стихию театра, поэтому вполне правомерно его изображение на обложке.

Художник сохраняет узнаваемые черты Петрушки (огромный нос, яркий румянец, порывистые жесты, широко разведенные руки, словно готовые заключить в объятия весь зрительный зал), подчеркивает его кукольную природу и в то же время придает традиционному образу площадного театра непривычный аристократический лоск, одевает народного любимца в нарядный костюм с кружевным накрахмаленным многослойным воротником,

украшает его рубаху, колпак, рукавицы изысканным орнаментом. Используя, помимо белого фона страницы, только две краски — черную и розовую, Г.П. Гольц создает композицию одновременно броскую и изящную, эксцентричную и четко сбалансированную. Тяжеловесный черный квадрат, на фоне которого помещена фигура Петрушки, эффектно оттеняется узкой, ажурной полоской кисеи, вызывающей ассоциации с занавесом. Хочется как можно скорее увидеть жизнерадостного паяца не нарисованным, а воплощенным в материале, оживленным руками и голосом умелого актера-кукловода, освещенным яркими лучами прожекторов (рис. 4).

В книге «Война Петрушки и Степки Растрепки» (1925) с рифмованным текстом Е.Л. Шварца и красочными гротескными рисунками А.А. Радакова наш герой выступает в непривычной роли. Подобно Мойдодыру из сказки К.И. Чуковского, он становится активнейшим поборником чистоты и гигиены, призывает всех и каждого как можно чаще умываться и стричься, поднимает целое воинство игрушек на борьбу с «нечистыми трубочистами». Более подробно с описанием этого издания можно ознакомиться в статье «Детские книги А.А. Радакова» [15, с. 106–107]. Подчеркнем, что все историко-культурные, театральные аллюзии привносятся в книгу иллюстратором, тогда как стихотворец не прочь превратить ярмарочного острошлова в образцово-показательного чистюлю, перекроить и переодеть куклу на современный лад, сохранив ей лишь прежние имя: «Вот стоит Петрушка, гладкая макушка. Вымыты руки, выглажены брюки, рубашка, как снег, — аккуратный человек» [16, с. 5]. Фольклорное, лубочное происхождение персонажей, неявное в тексте, подчеркивается графическими средствами: проявляется и в самой манере рисунка, и в обильном использовании орнаментики, и в построении композиций. Иллюстрации, как правило, обрамляют колонки набора; страница вмещает в себя несколько сцен, одни и те же герои появляются на ней многократно, но в разных ситуациях и состояниях.

В неоднократно переиздававшейся книге С.Я. Маршака «Петрушка иностранец» с иллюстрациями В.М. Конашевича (1927) [17] также заметны противоречия между словесной характеристикой главного героя и его изобразительной трактовкой. Этот шутник унаследовал многие черты своего театрального прототипа: он чрезвычайно активен, задирист, остер на язык, на каждом шагу ввязывается в сомнительные истории и наживает множество врагов. Все его подвиги и похождения курьезны, а хитрости очаровательно наивны. Он не упускает случая побалагурить и покаламбурить, продемонстрировать зрителю «сто проделок и проказ» [17, с. 11]. Однако, как следует из текста, перед нами — не деревянный паяц, а обыкновенный школьник, шалун и выдумщик, который прогуливает уроки



Рис. 4. Обложка книги С.Г. Розанова «Ванин детский сад». Москва, 1928. Художник Г.П. Гольц [14]

и шляется по улицам Ленинграда в поисках приключений. Веселую кутерьму с бесконечными погонями и переодеваниями возмутитель спокойствия затевает не по злому умыслу, а, скорее, от избытка энергии, из любопытства и озорства.

У В.М. Конашевича Петрушка — это гротескное и своевольное порождение театра; «художник словно извлек его из ящика кукольников» [18, с. 94]. Длинноносый горбун в синем колпаке с бубенчиком, одетый в куртку с кружевными манжетами и полосатые панталоны, обутий в остроносые ботинки с помпонами, ни в малейшей степени не похож на советского школьника. Обложка, как отмечает искусствовед Ю.А. Молок, «...превращена в нарядный занавес. Торжественный фасад окаймляют колонны, их узорные капители, однако, не что иное, как театральные маски, из завитков волюты весело подмигивает глаз, проглядывают очертания лица» [18, с. 94] (рис. 5). Иллюстратор возвращает Петрушку в его привычную, родную среду; без особого педантизма, с фантазией и юмором, но все же реконструирует его исторический облик. По походке и жестике можно понять, что неунывающий лентяй и прогульщик — это кукла, причем не слишком умело сделанная: она с легкостью совершает головокружительные прыжки, но нетвердо стоит на земле, ее руки не сгибаются в локтях.

По версии художника, на кукол подозрительно похожи и все остальные персонажи, изображен-



Рис. 5. Обложка книги С.Я. Маршака
«Петрушка иностранец».
Ленинград, 1927. Художник В.М. Конашевич [17]



Рис. 6. Иллюстрация к книге М.И. Рудермана
«Петрушка беспризорный».
Москва, 1930. Художник Л.В. Попова [20]

ные крайне условно и обобщенно, обозначенные, как правило, несколькими емкими цветовыми пятнами. У этих героев нет лиц, но они исчерпывающе характеризуются гротескной пластикой фигур, костюмами и аксессуарами: длинная шинель согбенного отца Петрушки; черный, словно обуглившийся, костыль продавца папирос; топор и сияющая каска пожарного; безразмерная доха, с головой накрывающая дворника; белый фартук и синяя тележка мороженщика; кобура милиционера. Особенно комично смотрятся те сцены, где «инвалиды с папиросами, сундуки с колесами, пожарные с насосами, трубники, топорники, прохожие и дворники» [17, с. 11] дружно устремляются в погоню за набедокурившим озорником, причем с каждой сценой количество преследователей множится, но впереди всегда несется одноногий торговец. В финале, вняв увещаниям родителей, эксцентричный герой отправляется в школу верхом на свинье. Можно не сомневаться, что по дороге он снова «попадет в историю».

В книге «Петрушка иностранец» 1927 г. нет ни одной полосной иллюстрации; небольшие графические комментарии к пьесе чаще всего располагаются вверху и внизу страницы, иногда вклиниваются между строк, в некоторых случаях фигурки персонажей заставляют потесниться колонки текста. Такое расположение рисунков позволяет прочнее соединить их с конкретными сценами и репликами, а также визуально подчеркнуть плотность описанных событий, динамику развития сюжета, повторяемость некоторых мотивов, тесную взаимосвязь эпизодов. Иллюстрации могут служить подсказкой для режиссера, который возьмется ставить эту пьесу: почти на каждой из них запечатлена готовая, остроумно и тщательно выстроенная мизансцена.

Надо полагать, что художнику удалось убедить автора в правомерности такой неожиданной графической трактовки текста. А если работа над книгой и привела к творческому спору, это никак не сказалось на дальнейшем многолетнем плодотворном сотрудничестве писателя и иллюстратора. Уже в конце жизни С.Я. Маршак с благодарностью и гордостью вспоминал, что многие его ранние издания оформлял замечательный мастер, чьи изящные, легкие, жизнерадостные рисунки всегда «...пленяют детей своей праздничностью. Он хорошо знает, что для ребенка под обложкой каждой книги таится еще неведомый, обещающий радость спектакль» [19, с. 431].

С «Петрушкой иностранцем» во многом перекликается короткая шуточная сценка М.И. Рудермана «Петрушка беспризорный», выпущенная в 1930 г. Главный герой здесь, как и у С.Я. Маршака, — шустрый, сообразительный мальчишка, обожающий розыгрыши и переодевания. Изъясняется он (как и другие герои) рифмованными

прибаутками: «Я — Петрушка беспризорный, неумыт, как цыган черный, посетитель всех дворов — Петр Иванович Петров!» [20, с. 2]. Его сопровождают пес Барбос и кот Бегемот: «Оба — бродяги, оба — хваты, знаменитые артисты и акробаты» [20, с. 2]. В центре сюжета — конфликт голодного ребенка и сытого кондитера (по всей видимости, недобитого нэпмана). Сознательный беспризорник не просто озорничает; помимо голода, им движет обостренное классовое чутье. Все свои актерские способности Петров употребляет на то, чтобы сначала обмануть продавца сладостей и полакомиться его товаром, а потом, переодеваясь то покупателем, то торговкой, ошельмовать «надувалу известного» [20, с. 8] и сдать его органам правопорядка. В финале торжествует «справедливость» образца 1930 года. Вместо того чтобы наказать настоящего вора, милиционер арестовывает кондитера («За ваши приключения дадут вам год заключения. Пожалуйте, мармеладный, в район прохладный» [20, с. 10]), а Петрушку направляет в детский дом, чему тот несказанно рад.

К чести художницы Л.В. Поповой, надо сказать, что в ее празднично-ярких, забавных, откровенно декоративных иллюстрациях нет и следа обличительного пафоса, свойственного тексту. Румяный кондитер с франтоватыми усиками выглядит вполне импозантно, а самым комичным героем оказывается милиционер с оттопыренными ушами и широко раскрытым ртом. Он привычным жестом поднимает над головой красный жезл, но с трудом удерживается на разъезжающих ногах. Петрушка в длинной красной рубахе в белый горошек и в таком же колпаке мало похож на свои прежние воплощения: его голова представляет собой серый шар, а ноги — длинные черные полоски. При любых перевоплощениях его сразу выдают стоящие дыбом черные волосы, большие круглые глаза, огромный красный нос, длинный и заостренный, как у Пинокио (знаменитая сказка А.Н. Толстого про Буратино еще не была написана в то время) (рис. 6).

Безусловно, зрительный ряд книги свидетельствует о близости иллюстратора к авангардистской эстетике — недаром в Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС) Л.В. Попова училась у таких мастеров, как А.А. Экстер, Р.Р. Фальк, А.В. Лентулов. В своей книжной графике художница активно использует открытия «взрослого» новаторского искусства, но переводит их на пластический язык, близкий и понятный ребенку. Иллюстрации строятся на эффектном сопоставлении больших, равномерно окрашенных плоскостей, они похожи на аппликации из цветной бумаги. Предметы комбинируются из простейших геометрических фигур, а немногие мелкие детали превращают эти абстрактные построения в гротескные образы героев. У зрителя не возникает ни малейших



Рис. 7. Обложка книги С.З. Федорченко, Ф.Ф. Кондратова «Петрушка-радиист». Ленинград, 1930. Художник Ф.Ф. Кондратов [21]

сомнений, что все персонажи книги — игрушечные. Но они больше похожи не на тряпичных кукол с деревянными головами (традиционных для театра Петрушки), а на плоских картонных марионеток, которые движутся на шарнирах.

В том же 1930 г. еще две книги о похождениях неунывающего странствующего комедианта оформил другой талантливый выпускник ВХУТЕМАСа, Ф.Ф. Кондратов. Их автором была писательница С.З. Федорченко — тонкий знаток русского фольклора, стилизовавшая многие свои сочинения под образцы народного творчества. Главный герой пьесы «Петрушка-радиист» выглядит примерно так же, как его тезка-беспризорный, но живет не в детдоме, а с заботливыми родителями, кроме того, неплохо разбирается в технике и доказывает свою правоту уже не на рынке, а на международной арене (рис. 7). Подобно многим другим героям детских книг тех лет, он приезжает в Африку, чтобы цивилизовать и политически подкопать местное население, а потом благополучно возвращается домой. Правда, деловитый мальчик с чемоданчиком в руке всего лишь приводит в бегство льва с помощью включенной на полную громкость джазовой музыки. Но этот акт имеет важное символическое значение, недаром соответствующая картина называется «Сверже-



Рис. 8. Разворот книги С.З. Федорченко «Как за Первое мая Петрушку замаяли». Ленинград, 1930. Художник Ф.Ф. Кондратов [22]

ние царизма». Петрушка объясняет восхищенным его смелостью и находчивостью негритятам:

Ни у людей, ни у зверей
Быть не должно теперь царей [21, с. 8].

Основная часть действия другой маленькой пьесы С.З. Федорченко с рисунками Ф.Ф. Кондратова — «Как за Первое мая Петрушку замаяли» — разворачивается в начале XX в., здесь показаны преследования, которым в предреволюционные годы подвергался народный любимец [22]. На сей раз он изображен в своем привычном виде: с горбом, крючковатым носом, похожим на птичий клюв. Петрушка размахивает красным флажком, на котором написан невинный лозунг «С Первым мая, иди не зевай!» и обращается к прохожим с довольно невинными шутками. Но само его появление на площади вызывает совершенно неадекватную реакцию: возмущение «чистой» публики и ярость представителей власти. Чтобы справиться с добродушным клоуном и его куклой, мобилизуются отборные резервы «силовики»; почти все пространство разворотов заполняют, по выражению М.И. Цветаевой, «жандармские груди и рожи» (рис. 8). Художнику особенно удаются не меняющиеся при любых режимах типажи бюстистелей порядка: шарообразный генерал с «густыми эполетами», крикливый околоточный с тараканьими усами, городовые с позеленевшими от пьянства физиономиями,

вытянувшиеся во фронт солдаты, готовые, не задумываясь, исполнять самые безумные приказы. Тряпичный Петрушка, попавший в лапы этих свирепых монстров, кажется по сравнению с ними живым, хрупким, трепетным. Наученный горьким опытом, он и в последней картине сперва нерешительно выглядывает из-за ширмы, но узнав, что его гонители давно сошли с исторической сцены, приходит в восторг, распевае первомайские песни.

Книги эти не только ярко, остроумно проиллюстрированы, но и четко выстроены, изобретательно сконструированы; в их оформлении сказывается сценический опыт художника. Каждая из них делится на несколько блоков, которые можно листать параллельно; каждое действие маркируется особым цветом фона; чтобы увидеть фигуру Петрушечника, надо отогнуть клапан обложки, на котором напечатан список действующих лиц и т. д.

Очерк Н.П. Саконской «Куклы и книги» для детей младшего возраста с иллюстрациями Д.П. Штеренберга, выпущенный в 1932 г., трудно назвать значительным событием в детской литературе и графике [23]. Известный художник не слишком удачно использует рискованный прием подражания детскому рисунку, композиции строятся несколько хаотично, режут глаз и кричащие, дисгармоничные сочетания цветов. Текст (часто читать его трудно, поскольку он напечатан поверх ярких иллюстраций) также не блещет стилистическим совершенством. Но издание это интересно исключи-

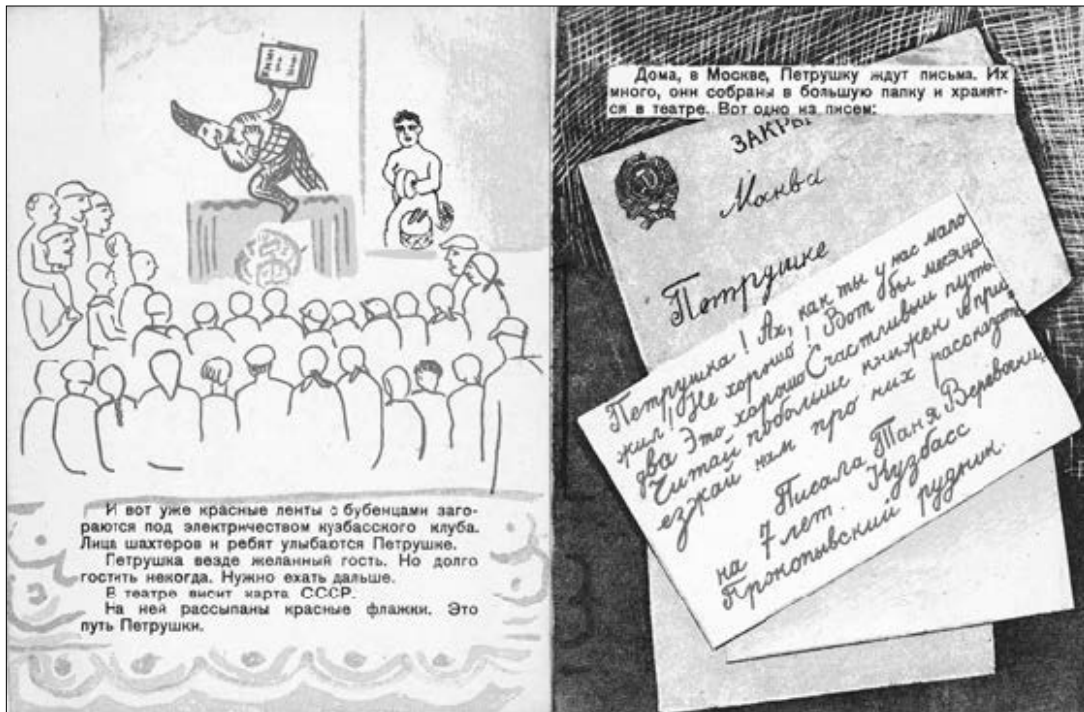


Рис. 9. Разворот книги Н.П. Саконской «Куклы и книги». Москва, 1932. Художник Д.П. Штеренберг [23]

тельно радикальным, злободневным переосмыслением образа Петрушки.

Сильно преувеличив возраст главного героя, автор, тем не менее, достаточно точно излагает его дореволюционную биографию, вспоминает самые известные проделки и репризы «народного артиста» [23, с. 6] (книга начинается с классической сцены драки с городовым). Наиболее выразительные, внятные рисунки Д.П. Штеренберга — те, где энергичный, хотя и неуклюжий комедиант выступает перед обездоленными детьми городских окраин, охаживает большой дубиной своих недругов, погибает от укусов свирепой «шавочки-кудлавошки» [23, с. 9]. Однако в советскую эпоху Петрушка перерождается, избавляется от вредных привычек, его потребности и возможности растут, как на дрожжах: «Не хочу шататься по дворам с гнусавой шарманкой! <...> Дайте мне летчиков, пионеров, рабочих, колхозников! Дайте мне настоящий театр!» [23, с. 10]. Взамен жалкой ширмы он получает в свое распоряжение удобное здание «со сценой, звонками и занавесом» [23, с. 11]. Но и этого мало жадному до работы максималисту: «Мы будем играть в тысяче театров. Всюду! Везде! В клубах, в школах, в шахтах, на фабриках» [23, с. 11].

В прежние времена «первейший из дураков» не был замечен в любви к печатному слову, а скорее всего, просто не знал грамоты. В новых условиях он становится не только заядлым книгочеем, но и страстным пропагандистом, методистом детско-

го чтения, завсегдатаем библиотек, клубов и школ, выходит на сцену не с палкой, а со стопкой свежих изданий. Новая сфера деятельности бывшего хулигана и драчуна — что-то вроде рекомендательной библиографии, переложенной на язык балагана, инсценировка литературных новинок. Творческий коллектив, в котором работает Петрушка, называется Театром детской книги; организован он «для того, чтобы научить ребят находить интересную книгу, читать и беречь ее» [23, с. 5]. Такой театр действительно существовал в Москве и пользовался большой популярностью у детей; он был основан в 1930 г. и носил имя председателя правления Госиздата А.Б. Халатова.

Книга Н.П. Саконской и Д.П. Штеренберга в беллетризованной форме рекламирует конкретный театр, а театр этот, в свою очередь, всячески пропагандирует и популяризирует детскую книгу. Разносторонняя деятельность группы талантливых энтузиастов, «книжников и петрушатников» описана автором достаточно подробно, очерк явно создавался на документальной основе. И все же эпизоды, в которых модифицированный Петрушка посещает Днепрострой и Кузбасс, гастролирует по городам и весям СССР, проводит читательские конференции, куда менее убедительны, чем сцены из его прежней жизни (рис. 9).

Частое появление Петрушки на страницах отечественных детских изданий 1920-х — начала 1930-х гг., безусловно, свидетельствуют о боль-

шом интересе литераторов и графиков к этому персонажу, об их стремлении найти опору и поддержку в простонародной смеховой культуре, по мере возможностей продолжить ее традиции, привнести в книгу элементы театральной эстетики. Многие авторы пытались осовременить уже давно закрепившийся в сознании читающей публики образ обаятельного забияки и остролова, нагрузить его совершенно новым содержанием, приспособить к решению злободневных педагогических задач. Подчас бесцеремонные эксперименты такого рода приводили к серьезным смысловым утратам и художественным просчетам. В то же время лучшим писателям и особенно художникам тех лет удалось, сохранив самые существенные черты «непобедимого героя народной кукольной комедии», вдохнуть в него новую жизнь, спасти от забвения, от полной потери идентичности и передать новым поколениям создателей и читателей детской книги.

Список источников

1. *Сторицын П.* Современный Петрушка // Огонек. 1928. № 24. С. 15.
2. *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания : в 5 кн. 2-е изд., доп. Москва : Наука, 1990. Кн. 1–3. 711 с. (Литературные памятники).
3. *Горький М.* Собрание сочинений : в 30 т. Т. 24 : Статьи, речи, приветствия: 1907–1928. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1953. 574 с.
4. *Слуцкий Ф.* Новые маски (Революционно-бытовое оформление «Петрушки») // Советское искусство. 1925. № 6. С. 32–38.
5. Петрушка : любимый народный кукольный герой / с раскрашенными картинками П. Литвиненко. Москва : Торговый дом Е. Коновалова и К°, 1910. 24 с.
6. *Рюмин Е.* Красный Петрушка // Советское искусство. 1925. № 4–5. С. 29–31.
7. *Симонович-Ефимова Н.Я.* Записки петрушечника и статьи о театре кукол / [предисловия А.Ф. Немыловой, Н.И. Сац]. Ленинград : Искусство, 1980. 271 с.
8. *Ефимова Н.Я., Ефимов И.С.* Петрушка. Москва : Издатель Л.Д. Френкель, [1924]. [8 с.].
9. *Ефимов И.С.* Об искусстве и художниках : художественное и литературное наследие / сост. А.Б. Матвеева, А.И. Ефимов. Москва : Советский художник, 1977. 424 с.
10. *Симонович-Ефимова Н.Я.* Записки петрушечника. Москва ; Ленинград, 1925. 240 с.
11. *Симонович-Ефимова Н.Я.* Петрушка. Москва : Крестьянская газета, 1928. 30 с. (Библиотечка журнала «Дружные ребята»).
12. *Соколов-Аси.* Петрушка. Москва : Издание Г.Ф. Мириманова, 1927. [12] с.
13. *Фроман М.* Петрушка / рис. Е. Хигера. [Ленинград; Москва] : Радуга, [1927]. [8] с.
14. *Розанов С.* Ванин детский сад : пьеска для детей. Москва : МОДПиК, 1928. 16 с.
15. *Фомин Д.В.* Детские книги А.А. Радакова // Библиография. 2019. № 3. С. 97–109.
16. *Шварц Е.* Война Петрушки и Степки Растрепки / рис. А. Радакова. [Ленинград] : Радуга, 1925. 24 с.
17. *Маршак С.* Петрушка иностранец / рис. Вл. Конашевича. [Ленинград] : Радуга, 1927. 11 с.
18. *Молок Ю.А.* Владимир Михайлович Конашевич. Ленинград : Художник РСФСР, 1969. 336 с.
19. *Конашевич В.М.* О себе и своем деле. Воспоминания. Статьи. Письма : с приложением воспоминаний о художнике / сост., подгот. текста и примеч. Ю. Молока ; предисл. К. Феина. Москва : [Детская литература], [1968]. 495 с.
20. *Рудерман М.* Петрушка беспризорный / рис. Л. Поповой. [Москва] : Государственное издательство, 1930. 11 с.
21. *Федорченко С., Кондратов Ф.* Петрушка-радист : в 3 картинах. [Ленинград] : Государственное издательство, 1930. 22 с.
22. *Федорченко С.* Как за Первое мая Петрушку замаяли : в 3 картинах / рис. Ф. Кондратова. [Москва] ; [Ленинград] : Государственное издательство, 1930. 18 с.
23. *Саконская Н.* Куклы и книги / рис. Д. Штеренберга. [Москва] : ОГИЗ; Молодая гвардия, 1932. 24 с.

The Image of Petrushka in Russian Children's Books of the 1920s – Early 1930s

Dmitry V. Fomin

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia

ORCID 0000-0002-9931-6288

E-mail: dfomin13@yandex.ru

Abstract. *The image of Russian puppet theater's main character, Petrushka, played an important role in the history of Russian culture and embodied some important features of the national character. His images are quite widely and variously represented on the pages of children's books. At the beginning of the 20th century and in the first post-revolutionary years, publications about the adventures of Petrushka fulfilled an important mission: they recorded characteristic examples of folk art, preserved the memory of farcical performances, and supported the tradition of the art of "Petrushka makers". The books served as manuals for novice puppeteers.*

In the 1920s – early 1930s, Petrushka continued to be one of the most popular characters of children's books and aroused interest of many Russian writers and graphic artists. This indicates their desire to find a basis and support in the popular laughter culture, to continue its traditions, to bring elements of theatrical aesthetics into books.

Using a complex of methods of book, art and source studies, the article aims to consider the transformation of the image of Petrushka in children's books of the 1920s – early 1930s.

The author draws attention to the significant differences between the literary component of such publications and their visual range. Writers, as a rule, sought to “re-educate” the areal joker and brawler, to ennoble his manners, modernize his appearance, and involve the popular character in solving actual ideological and pedagogical problems. Artists were more careful about the canonical, historically formed image of Petrushka, resisted too radical reinterpretation of it. Of particular interest in this regard are the illustrative cycles of I.S. Efimov, A.I. Sokolov-Asi, A.A. Radakov, V.M. Konashevich, L.V. Popova, F.F. Kondratov.

The best writers and artists of those years managed to preserve the most essential features of the character, breathe new life into him, save him from oblivion, from complete loss of identity, and pass him on to new generations of creators and readers of children's books.

Key words: Petrushka, puppet theater, folklore, children's book, illustration, book graphics, fine and decorative arts, book studies.

Citation: Fomin D.V. The Image of Petrushka in Russian Children's Books of the 1920s – Early 1930s, *Observatory of Culture*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 424–435. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-4-424-435.

References

1. Storitsyn P. Modern Petrushka, *Ogonek* [Spark], 1928, no. 24, p. 15 (in Russ.).
2. Benois A.N. *Moi vospominaniya: v 5 kn.* [My Memories: in 5 books]. Moscow, Nauka Publ., 1990, book 1–3, 711 p.
3. Gorky M. *Sobranie sochinenii: v 30 t. T. 24: Stat'i, rechi, privetstviya: 1907–1928* [Collected Works: in 30 volumes. Volume 24: Articles, Speeches, Greetings: 1907–1928]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1953, 574 p.
4. Slutsky F. New Masks (Revolutionary and Everyday Design of “Petrushka”), *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1925, no. 6, pp. 32–38 (in Russ.).
5. *Petrushka: lyubimyi narodnyi kukol'nyi geroi* [Petrushka: The Favorite Folk Puppet Character]. Moscow, Torgovyi Dom E. Konovalova i K° Publ., 1910, 24 p.
6. Ryumin E. The Red Petrushka, *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1925, no. 4–5, pp. 29–31 (in Russ.).
7. Simonovich-Efimova N.Ya. *Zapiski petrushechnika i stat'i o teatre kukol'* [Petrushka Maker's Notes and Articles about the Puppet Theater]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1980, 271 p.
8. Efimova N.Ya., Efimov I.S. *Petrushka*. Moscow, L.D. Frenkel' Publ., [1924], [8] p. (in Russ.).
9. Efimov I.S. *Ob iskusstve i khudozhnikakh: khudozhestvennoe i literaturnoe nasledie* [About Art and Artists: Artistic and Literary Heritage]. Moscow, Sovetskii Khudozhnik Publ., 1977, 424 p.
10. Simonovich-Efimova N.Ya. *Zapiski petrushechnika* [Petrushka Maker's Notes]. Moscow, Gosudarstvennoe Publ., 1925, 240 p.
11. Simonovich-Efimova N.Ya. *Petrushka*. Moscow, Krest'yanskaya Gazeta Publ., 1928, 30 p. (in Russ.).
12. Sokolov-Asi. *Petrushka*. Moscow, G.F. Mirimanova Publ., 1927 (in Russ.).
13. Froman M. *Petrushka*, Raduga Publ. (in Russ.).
14. Rozanov S. *Vanin detskii sad: p'eska dlya detei* [Vanya's Kindergarten: A Little Play for Children]. Moscow, MOD-PIK Publ., 1928, 16 p.
15. Fomin D.V. Children's Books by A.A. Radakov, *Bibliografiya* [Bibliography], 2019, no. 3, pp. 97–109 (in Russ.).
16. Shvarts E. *Voina Petrushki i Stepki Rastrepki* [The War between Petrushka and Styopka Rastryopka], Raduga Publ., 1925, 24 p.
17. Marshak S. *Petrushka inostranets* [Petrushka the Foreigner], Raduga Publ., 1927, 11 p.
18. Molok Yu.A. *Vladimir Mikhailovich Konashevich*. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1969, 336 p. (in Russ.).
19. Konashevich V.M. *O sebe i svoem dele. Vospominaniya. Stat'i. Pis'ma: s prilozheniem vospominanii o khudozhnike* [About Me and my Work. Memories. Articles. Letters: with memories of the artist attached]. Moscow, 495 p.
20. Ruderman M. *Petrushka besprizornyi* [Petrushka the Homeless], Gosudarstvennoe Publ., 1930, 11 p.
21. Fedorchenko S., Kondratov F. *Petrushka-radist: v 3 kartinakh* [Petrushka the Radio Operator: in 3 pictures], Gosudarstvennoe Publ., 1930, 22 p.
22. Fedorchenko S. *Kak za Pervoe maya Petrushku zamayali: v 3 kartinakh* [How Petrushka Was Fatigued for the First of May: in 3 pictures]. Leningrad, Gosudarstvennoe Publ., 1930, 18 p.
23. Sakonskaya N. *Kukly i knigi* [Puppets and Books], OGIZ Publ., Molodaya Gvardiya Publ., 1932, 24 p.